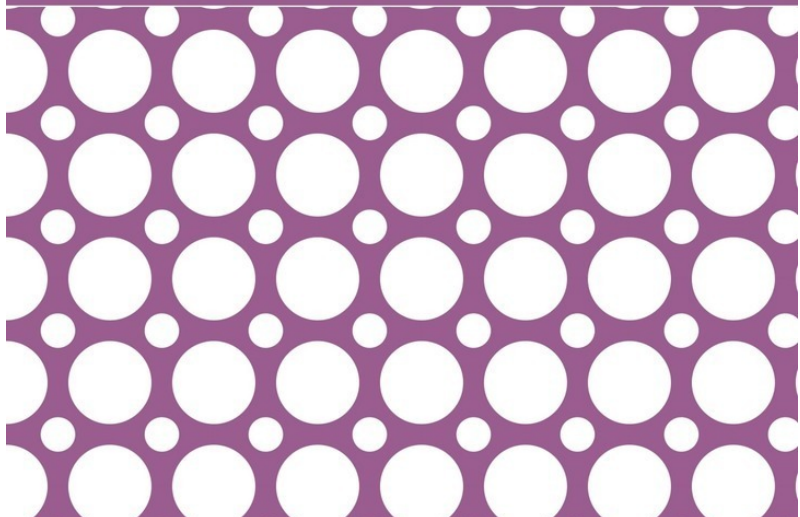

Геннадий Мещеряков

*Юмористические
рассказы*

Часть третья

Геннадий Мещеряков Юмористические рассказы. Часть третья

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24309494
ISBN 9785448528057*

Аннотация

Воспоминания, воспоминания, они в основе всех зарисовок. А герои – милые люди, живущие рядом со мной, и не только... В некоторых черты обобщены для полноты и красочности. Спасибо вам, дорогие читатели, за понимание и снисходительное отношение к некоторым опусам. Из жизни брал, а в зеркале не исправишь изъяны...

Содержание

Ершистая смесь	5
По первому снегу	15
В лифте	17
Петр Петрович	20
Мертвые души	23
Мальчишник	25
Посиделки	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Юмористические рассказы

Часть третья

Геннадий Мещеряков

© Геннадий Мещеряков, 2017

ISBN 978-5-4485-2805-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ершистая смесь

Перепутали

Встретились две старушки.

– Дышишь, Петровна?

– Через раз.

– А копытами как в молодости стучишь.

– Копытом: протез у меня.

– А я недавно в морге проснулась. Санитары перепутали, умерла соседка по койке.

– Не мудрено, не испугалась в морге?

– Там два мужика в карты резались.

– А к тебе не приставали?

По абонементу

– Откуда, Иван, идешь, лицо такое, что можно сигареты прикуривать.

– Из бассейна.

– Круто. Теперь не боишься воды?

– В спасательном жилете плаваю, люблю живые тела женщин.

– Хорошо, не мертвые.

– Мертвые? Одна дала такую пощечину – до сих пор щека

пылает.

Врать не будет

– Сдала, Никитична, анализы?

– Сдала, Павел Петрович, неделю в очередях простояла.

– Скока, скока? А главврач сегодня на совещании говорила, что во всех службах у нее окей.

– А что такое окей, Павел Петрович? Я же английский в школе учила.

– А я вообще ненецкий. Наверное, все хреново: врать она на совещании не будет.

Нашел выход

– Ты чего противогаз напялил, Федька?

– Я не Федька, не узнал, братан?

– Теперь узнал, Вовка ты, в поселке Горном иприт унифицировал. А почему у нас в противогаз залез?

– Да, потому, что канализационные колодцы на улицах разбиты, из них запах – иприта не надо. А я: надел намордник – и не обоняю.

– Лучше бы надел намордник на лицо, отвечающее за колодцы.

Куда делся лось?

– Сколько в районе кабанов, лис и зайцев? – спросили из области местного охотоведа.

– Три, двести пятьдесят и шестьсот, – соврал он, не моргнув глазом, как это делают некоторые статисты.

– А председатель общества называл другие цифры: десять, четыреста пятьдесят и семьсот.

– Когда вы его спрашивали?

– Вчера, перед охотой по первому снегу.

– Так, сто зайцев в соседний район от страха убежали, кабанов отстреляли по вашим лицензиям, а недостающие лисы скоро будут улыбаться с воротников местных жен.

– Ладно, шутник, не умничай. Лучше проверь, не перебежал ли к вам лось из кордона? Куда сохатый делся? Замучили звонками.

Близорукий

Двое из мэрии идут по улице.

– Опять здесь свалку сделали, не успеваем убирать. Вон, мужик полную тележку мусора тянет.

– Со всего двора насобирал? – спросили его.

– Со всего. Даже туалет очистил. Свалка рядом. Удобно. Спасибо.

– Так, свалка запрещена, видишь надпись на щите?

– Свалка – вижу, а что запрещена – не разобрал: мелко

написано и близорукий я.

На добрую память

– Покупайте веники – березовые, дубовые из подлеска в истоке Малого Узенья, – говорит старик с белой бородой.

– Не слышал я, почтеннейший, о подлеске в истоке Малого Узенья, или где некогда все было пусто, голо, теперь молодая роща разрослась? – спрашиваю его словами великого поэта.

– А где ты найдешь общественную баню, чтобы попариться? – смеется он. – Не соврешь – не пожрешь.

Оригинал, как умело рекламирует свой товар! Я купил веник и повесил его у входа в дом: на добрую память.

Как он прав!

– По торговым точкам на душу населения мы вышли на первое место, – доложил на сходе граждан главный строитель Петухов. – Наш лозунг «На каждого – по магазину!» успешно осуществляется. В год вводим по 8—9 торговых точек разного калибра.

– А сами вы что построили? – раздается голос.

– Это необязательно. Главное, вводить в строй новые магазины. Если проведем в жизнь свой лозунг, сделаем населению лучший подарок. Действуем по обстоятельствам: рабочих мест нет, зарабатывают люди деньги на стороне. А где

тратят? Правильно, у нас. Вот почему нужны в первую очередь торговые точки.

– Как он прав! – донесся голос из магазина «999». Если это порядковый номер, то цель будет достигнута.

Шаги роста

– Почему ваш магазин называется «Магнитом»? – спросили у продавца приезжие селяне.

– Чтобы притягивал к себе покупателей.

– Тогда надо переименовать его в «Электромагнит»: достаёт до Орлов-Гая.

Стоящий рядом в дорогом костюме мужчина заметил:

– Чем меньше вы содержите скота, тем чаще приезжаете к нам за продуктами.

– Согласны, – потупились они, – но и вы, если притягиваете, то не обирайте. Неделю назад гречка стоила в два раза дешевле. «Копейку», вон, переименовали в «Рубль», тоже цены возросли?

– Таковы шаги нашего роста.

– У вас – рост, у нас – падение, а в среднем – там же, – махнул крестьянин рукой.

Брюзга

– Пожарную улицу заасфальтировали, а неровности есть.

– Брюзжишь все, Пелагея. Где выбила зубы? Говорила тебе, не садись к внуку в мотоцикл. А как вытаскивали тебя из грязи за веревку, забыла? Чуть ноги не выдернули, хорошо в сапогах была. Хоть хромаешь, а то б и сидеть не могла. Ровностей тут никогда не было, а она – неровности.

– Я баба обыкновенная, где и ляпну.

– А что скрываешь под платком? Или кто ударил? Мужика вроде лет сорок нет. Да и за что? Хромоногая утица.

– От соседки шла и уткнулась в столб. Было темно, хоть бы лампочку ввернули.

– Да колонку у дома, да баньку. Много хочешь, Пелагея.

В приемной стоматолога

Слыша крики пациента из кабинета зубного врача, мужчина с опухшей щекой сказал бледной девушке:

– Слышите, как кричит? А ведь уже давно безболезненно лечат зубы, без сверления. Одной жидкостью.

– Неужели без боли? У меня сразу два кариеса. Как услышу звуки бор-машины, теряю сознание.

– В Саратов надо ехать, – с трудом выговорил молодой человек, у которого щеки опухли с двух сторон.

– У меня тут «Калина». Кто хочет, давайте со мной, – стоявший у двери врача больной уже снимал бахилы. Верхняя губа у него подрагивала.

– Мне место найдется? – послышался женский голос.

– Хрен им, я здесь один не останусь, в багажнике доеду, – первым выскочил из приемной на улицу кудрявый парень.

– Куда все делись? – удивилась медсестра, выводя из кабинета женщину с глазами без зрачков.

Привычка

В очередь встала беременная женщина. Мужчины расступились, пропуская ее к кассе.

Оплатив счета, женщина сказала:

– Вот, купила подушку и, чтобы освободить руки, сунула ее под плащ. Спасибо вам, кавалеры! Не хотела обманывать, но получилось непроизвольно, по-привычке.

Еще раз увидел эту женщину у кассы на автобусной станции. В руках она держала костыли. Получив льготное место, улыбнулась пассажирам, разрешившим ей взять билет без очереди.

– Купила для дяди, в ноги положу – мешать не будут.

Интересная у нее привычка.

Зависимость

Все меньше дач, и землю обрабатывают в основном старики. Еще больше печали наваял услышанный разговор.

– Ты, Семенович, один на огород ходишь, не заболела ли Марфа?

– Хуже, Василий, умерла она. Прямо с лопатой. Солнце уморило.

– И я на грядке разогнуться не мог, до утра стоял треугольником. Брошу дачу. Иначе за Марфой уйду.

– И не вспомнит никто.

– Внук вспомнит, любит он закусывать солеными огурцами.

Откуда плиты?

– Интересно, где лежали эти облицовочные плиты: на канале, в аванкамере или на водозаборе? – сказал старый гидростроитель бывшему коллеге: они проходили мимо строящегося магазина.

– На подводящем канале, наверное. Систем орошения нет. Никто не контролирует – вот и срывают с русла бетонную рубашку. Да и кирпичи из старых сооружений. В погоне за экономией не пострадало бы качество. Не рухнет магазин?

– А мне интересно, откуда и каким образом привезли сюда облицовочные плиты?

На северах

Встречаются два соседа:

– Век тебя не видел, Леха. Где промышляешь?

– На северах, Рома, нефть качаем.

– Как заработки?

– Машину купил, квартиру отремонтировал, жену привез, без запросов: ей бы мороженая рыба была.

– Я, Леха, за полярным кругом никель добываю. Жен там мало, только у якутов.

– А если воротишься, как будешь без скромной жены?

– А ты попробуй у якута жену отобрать? Да, и не поедет она: там клюква, морошка, ягель. Я видел тут одну на маленьких ходулях, ее и возьму.

Поговорили

– Встретились два старика.

– Здорово, Иван. Сам передвигаешься?

– За землю иду платить, Николай.

– Чего?

– За землю иду платить.

(И так три раза).

– Под могилу, вероятно?

– Типун тебе на язык. Под избушкой которая.

– Где, где контора?

– Для тебя на кладбище, глухой тетеря.

– Нет, не набрал еще: с пенсии и молочка хочется купить.

– Давно тебе сто было?

– Что было, то было. Теперь без слуха и духа.

– Дух-то есть: не сухостои.

- Столько она не стоит.
- Учись по губам читать, Николай?
- Лай, не лай – дешевле не станет.

По первому снегу

Первый снег прикрыв листья, мусор, колдобины на дорогах, всю серо – желтую осень. Но уже отпечатались на нем следы нашей двойной жизни. Замести бы их, да нечем. Не пойдешь же с метлой по улице, как рябой Иван. У него сапоги сорок девятого размера, и жена Марья сразу узнает, ночевал он у Анки или нет. От ее заточенных ногтей и стал рябым Иван.

Не взял вчера метлу: снега не было. Теперь снова залепит лицо пластырем, который ему в аптеке дают без слов и со скидкой, как постоянному покупателю.

А это что? Уже тропинку пробили к Верке-самогонщице, хотя еще и утренняя синева не сошла с пороши. Ну, Колька с Гришкой понятно. Эти до работы завсегда похмеляются. По две ходки пусть сделали. Все равно тропинка как чищенная. Скорее всего, Петрович полз, и у него борода, как метла. Помогает Верке засыпать фляги сахаром, а уползает от нее тока по холодку: нутро, как положено, горит от первача, а тут снежок – прихватывай губами или всей нижней челюстью.

Смотрите, как протекторы отпечатались. Куда это Эльвира на своем джипе подалась? Обычно спит до обеда. В ночном клубе работает. Профессию не знаю, все время прыгает вокруг шеста. Она близорукая, еще в школе очки прогнули нос. Сейчас ходит без них. Говорит, главное, чтобы ее виде-

ли.

Блондина с брюнетом не различит, а вы – сигналы светофора. Три машины разбила...

Все же, куда она взыскалась поутру? Следы словно змеиные, зигзагом. Интересно, бывают змеи близорукими или нет? Надо у соседа спросить. Он кандидат ветеринарных наук. Кстати, а вон и его заячий след. Ходит он на костылях, так как одна нога заметно короче. Даже с костылями падает, если скользкий уклон. Сегодня упал три раза – столько вмятин отпечаталось на первом снегу. Давали ему квартиру в двух шагах от института – не согласился: мол, не инвалид и может любому нос утереть. А сам к остановке до людского потока добирается.

Снег, снежок, белая метелица. Лидка в лисьей шубе пробирается к подъезду через двор. Веки опущены, припухли. Она поет в хоре блудливых дев. Ну, ну, не шумите! Зато честно и правдиво. Кто сейчас ходит на хоры? А к ним валом валят.

Наверное, идет с репетиции. Дворник появился с широкой лопатой, и к ней расчищает дорожку. Уважает Лидку. За всегда на чекушку даст, не какая-то там доморощенная цаца, своя в доску.

В лифте

Лифт остановился между 35 и 36 этажами.

– Говорил, не надо было садиться седьмому: в нем трое таких, как я, – сказал средних лет мужчина с чемоданчиком в руке.

– Я без лифта и на третий этаж не заберусь: ноги на такой вес не рассчитаны. На ступеньках расшибусь в лепешку.

– А я, наоборот, в лифте первый раз, хотя живу на сороковом этаже десятый год, – заметил я.

– Все время поднимался на своих двоих? – удивилась взлохмаченная девица. Такими выглядят после боя без правил.

– У меня клаустрофобия, боюсь замкнутого пространства. Я и на работу уходил всегда на полчаса раньше.

Девушка потрогала рукой мои бедра:

– Как стальные. Никогда таких бедер не видела.

– Какие твои годы, увидишь, – съязвил мужчина с чемоданчиком.

– У меня есть с чем сравнивать. Чем больше у мужчины живот, тем слабее ноги. Я в бюро интимных услуг работаю, знаю.

– Проститутка?

– Пенелопа не может быть проституткой, скорее, дама, не выбирающая мужчин.

– Какое резкое сочетание: Пенелопа и проститутка, – удивился седой мужчина в очках. Есть у нас среди студенток такие, но не Пенелопы.

– Пенелопы, Одиссеи, куда вас заносит. Как будем выбираться из лифта? Вон, дама от испуга стала похожа на свою собачку. Обе – в бриллиантах, не различишь, – перебил мужчина с чемоданчиком. – Я слесарь – монтажник, есть кое-какие инструменты, могу посмотреть пульт управления.

– Вы – слесарь, – взяла его за руку дама с собачкой. Помогите, отблагодарю.

– И я о том же. Инструменты дорогие. Кто возместит мне ущерб, если сломаются.

– Только не я, – оборвала девушка с презрительным взглядом. – Я студентка и мой папа может тебя высечь, если я пожалуюсь. Пол-квартала ему подчиняется.

Мужчина с чемоданчиком смерил ее взглядом:

– Как ты думаешь, Пенелопа, что нам сделать с этой мафиози?

– Пусть сама себя выпорот.

– Ха-ха! Вот будет приколы: по голому заду. Не тебе одной его показывать.

– Что за самосуд, – вступился за студентку толстый господин. – У нас в корпорации, где я избран президентом, права человека соблюдаются всегда, а вы: по голому заду. Так нельзя.

– Поет он: всегда. Тогда стойте здесь и не мычите. Мо-

бильники не берут, лифтер уже с утра был под хмельком.

– Я не согласна. Пусть выпорот себя, хотя бы слегка. Слишком язвительна, – дама сняла с собачки ожерелье и протянула слесарю, – вот мой взнос за вызволение.

– Что думают другие? – спросил слесарь, взяв ожерелье.

И раздалось: пусть выпорот себя, не девяностые – мафией угрожать. И потянулись руки к слесарю – с деньгами. Президент корпорации дал целую пачку банкнот. Я не заметил, какого достоинства. У меня было три десятки. Увидев их, слесарь сказал:

– Это настоящие деньги. За них пусть выпорот себя и проститутка.

– Легко, – опустила трусы Пенелопа и стала хлестать себя поясом от сумки. – Клиенты разные бывают. Привыкла.

Следом за ней ударила себя ладошкой по заду и студентка. Раз, другой, третий. И стала приплясывать. Когда лифт поднялся на сороковой этаж, девушки вошли в раж: изгибались как на подиуме. И подтапывал ногой толстяк, и подвывала похожая на хозяйку собачка.

– Это свадьба? – спросили меня ожидающие лифта жильцы.

– Еще какая.

– А почему невеста и ее свидетельница с голыми задками и сами себя хлещут.

– Наверное, за грехи наказывают себя, – а что я мог ответить?

Петр Петрович

– Петра Петровича тебе, фермера? Ищи его по телефонным проводам, – показал на столб беззубый старик. – Первым будет загиб к Фекле, потом – к Никодиму. К ним не заходи: изо рта одни помои. Это его родственники, прицепились к нему по параллели. Петька чудаковатый, в хобби ударился: все с быками, да колесо крутит. У него и отец таким был, в грязь таскал баб через дорогу, колея – то от «Кировца», до пупка. Щупал их, наверно, как кур. Но никто не жаловался. Наверно, не щупал.

Говорили мне, что в Баклушах странные люди, но не до такой же степени.

Запутался я в проводах.

– Здравствуй, бабуля, – говорю старухе, стоящей у калитки в глубоких галошах на босу ногу и кожаном пиджаке, украшенном пулеметной лентой швов, – мне бы Петра Петровича?

– Занемог, в сарае лежит.

– Можно с ним поговорить?

– А чо он те скажет, если мне ничо не говорит.

– Телок я купил, и их надо покрыть, посоветоваться хочу.

– Не знай, чо он те посоветует. Если б курей там или гусей.

Тут он мастак.

В сарае лежал гусь и тоскливо смотрел на меня. Понял я,

что он тезка фермера, а бабулю зовут Фекла, и оценил юмор старухи.

Провод привел меня к мужчине со щетиной как на свинье, которая лежала рядом в луже.

– Петьку ищешь? А зачем он тебе? Племянник, а без мозгов. Да и ты, я вижу, не умней, ищешь то, что на виду. У колеса он.

И узнал я о Петре Петровиче не только плохое.

– У него лицо мальчика, а фигура бычья. Знаешь, почему? Уколы для наращивания мышц делает и быкам, и себе. С утра с ними резвится. Берет за рога и – бац, только копыта сверкают. Святогор сопротивлялся, и Петька свел ему рога. Теперь как близнецы-братья. Приезжали тут на грузовиках мяса задарма закупить, Святогор с Петькой отвели душу: загнали перекупщиков в Узень. По новой технологии работает: установил колесо обозрения – все Межузенье видно. Это степь между речками. Крутят колесо быки. Иногда начальство сверху наблюдает за полевыми работами. Один упал, хорошо пьяный, разбился бы. А так, живой остался, только язык откусил. Теперь указания дает в письменном виде. Петька приделывает к колесу второй ярус, чтобы увеличить радиус обзора для областного начальства.

Я нашел его на зеленой лужайке за домом у колеса обозрения. Рядом стояли люди, и рога Святогора были прикрыты чугунком.

– Откуда такой тощий? – спросил меня Петр Петрович.

– К вам за опытом: хочу фермером стать. – И словно стартер заработал – так захохотал Петр Петрович. Мне показалось, завел себя и Святогор, сбросив с головы чугунок.

– Я хочу, чтобы Святогор покрыл моих телок, – объяснил я. Раздался треск, разлетелась загонка, и меня окружили с десяток могучих быков. Кольца в носу казались обручальными кольцами.

– Сколько у тебя телок?

– Около сотни, Петр Петрович.

– Осилите, ребята?

Быки согласно закивали.

Мертвые души

– Что ты натворила, Анастасия? Завтра приезжает ревизор, как будем отдуваться? Расширяя штатное расписание, надо было приставить к комбайнерам помощников, к трактористам и водителям сменщиков и так далее. Я же объяснял, или все о Захаре думаешь? Сбежал он от тебя, чтобы не перепилила до конца шею.

Сделала помощником комбайнера Константина. Он же ничего не видит. До сих пор ему дают на сдачу старые деньги. Жену не разглядел, думал курносая, а у нее рубильник губы прикрывает. И старше вдвое. Лучше бы ее оформила пугалом на подсолнечник. Ревизор точно не придерется.

Додумалась глухонемую Дарью назначить сторожем на механизированный ток. А если с нею заговорит ревизор? В ответ мычать будет? Дарья пол-беды, еще ходит, а деда Ефима зачем на комбайн посадила? Он давно умер. Сама же о гроб билась головой. Мы все думали, горюешь, а ты от отчаяния: ни полушки он тебе не оставил по завещанию, и правильно сделал, кто ты ему? Седьмая вода на киселе. Я двоюродный племянник и то три курицы досталось.

Сидора Петровича привлекла правильно. Он еще крепкий старик, и в день проверки доберется до зерносклада. А вот на машину его посадила зря. Он ездит только на велосипеде и как сможет одновременно быть в двух местах – не Фигаро.

Я тебе советовал посадить вторых механизаторов из числа не умерших еще стариков. Говоришь, одни старухи в селе остались? Остались и старики. Чего, уже отходят? Но ведь не отошли. И на день их можно привезти к месту работы. Лишь бы говорили. Афанасий Петрович тоже не спортсмен, под девяносто, а рапортует как солдат. Главное, вывезти его в поле. Нам не надо мертвых душ: не Гоголи. Наша с тобой задача удвоить расходы на зарплату. А есть помощники у механизаторов и других работников или их нет, кому какое дело. Я вот что думаю? Надо действовать с опережением и свезти всех стариков в одно место. На какие кладбища? Сдурела? Еще пригодятся. На ток, например, и ревизора туда: мол, проводим собрание по вопросу о ходе уборки. Правильно, Анастасия, только потом пельмени. Нет, настойки твоей не надо. Самой придется отдуваться. Где только ты такие корни находишь?

Мальчишник

Уговорили меня приятели, Григорий и Константин, на этот мальчишник, хотя я знал, чем заканчиваются такие культурно – развлекательные мероприятия.

Собрались, как всегда, у Ивана Ивановича, курьера нашей фирмы. Жена его бросила, сбежав за кордон с австралийским аборигеном, и жил он один. Недавно прислала ему фото, на котором держит аборигена на руках, как обезьянку. Иван Иванович повесил ее на видном месте и подписал: «Неисповедимы пути Господни».

Константин вытащил мобильный телефон, позвонил и пришли две девицы – Маша и Катя. Я подумал баскетболистки и пожалел Григория: ему пришлось стоять за столом, чтобы быть с ними вровень. С каждой рюмкой он словно подрастал и, наконец, опустился на стул, чмокая девиц в локотки.

Иван Иванович выдал тост: «Мальчишник без баб, как водка без градуса. Выпьем за то, чтобы у водки всегда был градус».

– Какой философ, – заулыбались девицы, – можно из фужера...

Началось. Проснулся я под столом. Рядом безмятежно словно ребенок спал Иван Иванович, держа во рту вместо соски горлышко бутылки, и только причмокивал. С детства

он был приучен к спиртному: отец всегда добавлял в пузырек с молоком несколько капель водки, чтобы крепче спал.

Я не сразу попал в туалет, и чуть не обмочился. Перед унитазом на карачках стоял Константин. Из него хлестало, как из лопнувшей канализационной трубы. Мою желтую струйку он и не заметил, только стонал и выворачивался наизнанку. А ведь хорошо знал, чем закончится мальчишник, сам напоминал каждому, чтобы не пили утром холодную воду. А если сивуха вместо слез сочится, и язык суше, чем у египетской мумии? Шутник, блин. Его лошадиные глотки у водопроводного крана я слышал с раннего утра.

Дольше всех, наверное, держались великанши. Одна Маша с Лысой Горы чего стоила. Закружила всех: с детства хотелось ей стать балериной. И вскоре мы повалились кто куда. Я – под стол. Там меня не нашли девы. Иван Иванович заснул со своей соской.

А какова судьба Григория с Константином? Не у кого спросить. Константин держал в объятиях унитаза. Я пробовал разъединить их – взвыли оба. Так породнились, или я нажал случайно кнопку слива?

Не поверите, Григория нашел на антресолях. На его лице застыл ужас. Девы распластались внизу на широкой кровати, и, бывает же такое, переговаривались во сне.

– Где петушки-то, Маша?

– Разлетелись.

– К другим несущкам?

– Плохого ты о себе мнения, подружка.

Я начал толкать Григория:

– Вставай, петушок – помятый гребешок. От кого ты сюда взлетел и как? Вчера языком еле ворочал.

– Я их спросил, куда мы едем в общем вагоне, – прохрипел он, – они ответили – в сумасшедший дом. Машка с Катькой, оказывается, врачи-психиатры.

– А Константин где был? Не вразумил тебя?

– Константин? Вразумил. Он сказал, что едем мы туда на встречу с товарищем Сталиным, что он вовсе не умер и поможет нам. Я испугался помощи отца народов и взлетел.

– Пить надо меньше.

– Подвел последний фужер.

– Константин, как видно, уже встретился с товарищем Сталиным и теперь парит над унитазом, – стал я будить врачей – психиатров.

– Ты кто? – спросила Маша, приподнимая свинцовое веко.

– Больной.

– Почему не в палате?

– Номер шесть? – подначил я.

– Там Наполеон с Гитлером. Ты не из девяносто девятой?

– Вы же меня вчера искали с Катей и не нашли.

– Опять прятался в грязном белье?

– Нет, под столом.

Осмотревшись, девы рассмеялись:

– Ты нам казался самым реальным, и как в воду канул. Потом Григорий на шкаф полез, подумав, что это верхняя полка вагона, а Константин пел нам арии, стоя на руках.

– Вы действительно психиатры? – решил я развеять свои сомнения.

– Да, кандидаты медицинских наук. Изучаем влияние алкоголя на психику человека.

– На себе тоже опыты ставите? – спросил я.

– Полностью отдаем себя науке, – с трудом оторвала от подушки голову Катя.

– А мы, вероятно, подопытные кролики?

– Не совсем. После десятой рюмки вы сравниваете ответственность с нашими пациентами.

– А вот скажите, врачи-психиатры, – говорю я им, – где сейчас находятся и что делают Константин и уважаемый нами Иван Иванович?

– Константин – спортсмен, и стоит, вероятно, в позе йога, а Иван Иванович, скорее всего, поправляет здоровье известным ему способом.

Словно подглядывали. От изумления у меня встали волосы дыбом. Как такое возможно, я же лысый?

Посиделки

Вечер. Три девицы под окном орудуют спицами, и на глазах прирастает пряжа. Обвязались. Даже нижнее белье у них из тонкой ангорской шерсти: в Баклушах стояла суровая зима. Болонке накидку связали. Зачем? Она в тепле, лучше бы дворовому псу Барбосу.

Нина Петровна, сельская учительница, была старой де-вой, ученики ее не любили и называли воблой астраханской (родилась она на Нижней Волге).

Засиделась в девках и библиотекарь Вероника, правда, по другой причине – одна нога у нее была короче другой, и, думая, что так скрадывается уродство, она передвигалась по деревне трусцой, к концу рабочего дня к окнам прилипали не только старушки, глядя на удивительную иноходь библиотечарши. А что еще смешного можно увидеть в Баклушах?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.